

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. // Вісник Харківського державного університету. – № 396: Історія. – Вип. 29. – Харків, 1997. – С. 37 – 45.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

11. Орлов Р. С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — Киев, 1985.
12. Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
13. Швецов М. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 2. — София, 1991.
14. Красильников К. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 2. — София, 1991.
15. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
16. Балинд Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблеми археологии и древней истории угров. — М., 1972.
17. Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. — М.; Л., 1949.
18. Пархоменко О. В. Поховальный инвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. — 1983. — № 43.
19. Крыганов А. В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескорядковского могильников салтовской культуры // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. — Луцьк, 1993.
20. Крыганов А. В. Нетайловский могильник // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. — Киев, 1993.
21. Семенов А. И. О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. — Краснодар, 1993.

М. В. Любичев

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ СЛАВЯН ДНЕПРО-ДОНЕЦКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э.

На протяжении конца IV – VII вв. в лесостепи Днепро-Донецкого междуречья существовали памятники пеньковской культуры, только лишь по течениям Днепра, Орели и Северского Донца они заходили в глубь степи. Большинство специалистов носители пеньковской культуры отождествляют со славянами и более конкретно — с племенами антов [1, с. 206–207]. Хронология этих памятников совпадает со временем упоминания антов в письменных источниках

(сведения Иордана, Прокопия Кесарийского), ареал их распространения совершенно идентичен территории, где раннесредневековые писатели размещали антов.

Огромное влияние на жизнь и хозяйственную деятельность антов оказала природная среда. Лесостепь региона, где размещалось подавляющее количество пеньковских поселений, подразделяется на две подзоны: лучно-лесную на севере и лучно-степную на юге [2, с. 90]. В лесостепи преобладают три главных типа рельефа, которым соответствуют три ведущих вида почв: а) водораздельные равнинные плато — суглинистые черноземы; б) пологие склоны рек и болот — долинные супесковые черноземы; в) низины возле рек — пески [3, с. 188, 189]. В позднем голоцене растительный покров украинской лесостепи, по данным споро-пыльцевых анализов, демонстрирует большую схожесть с современной растительностью этой территории [4, с. 157]. Днепро-Донецкая степь представляет собой террасовую равнину, здесь преобладают среднегумусные глубокие черноземы. В позднем голоцене растительность степи имела современный вид [4, с. 157].

В достаточно глубоком продвижении антов в степь вдоль течений Орели и особенно Северского Донца решающую роль сыграл почвенно-растительный покров. Если бы здесь господствовала безлесая степь, это продвижение было бы неосуществимо по причине невозможности противостояния набегам кочевников на открытой местности и трудности занятия земледелием. Разрезы отложений болот по споро-пыльцевым анализам указывают на распространение смешанных лесов в позднем голоцене в речных долинах и на террасах степной зоны [4, с. 135].

В большинстве своем селища размещались возле рек на пологих склонах первой надпойменной террасы и здесь занимали серые лесные и луговые почвы. Первые представляют собой черноземы, испытывавшие изменения под влиянием лесной растительности. Вторые развивались под травянистой растительностью в условиях неглубокого нахождения грунтовых вод [5, с. 71-73]. Эти почвы благоприятны для земледелия, а последние — особенно для выпаса скота. Значительно меньше поселений размещалось на террасе правого берега реки, где господствовали мощные черноземы.

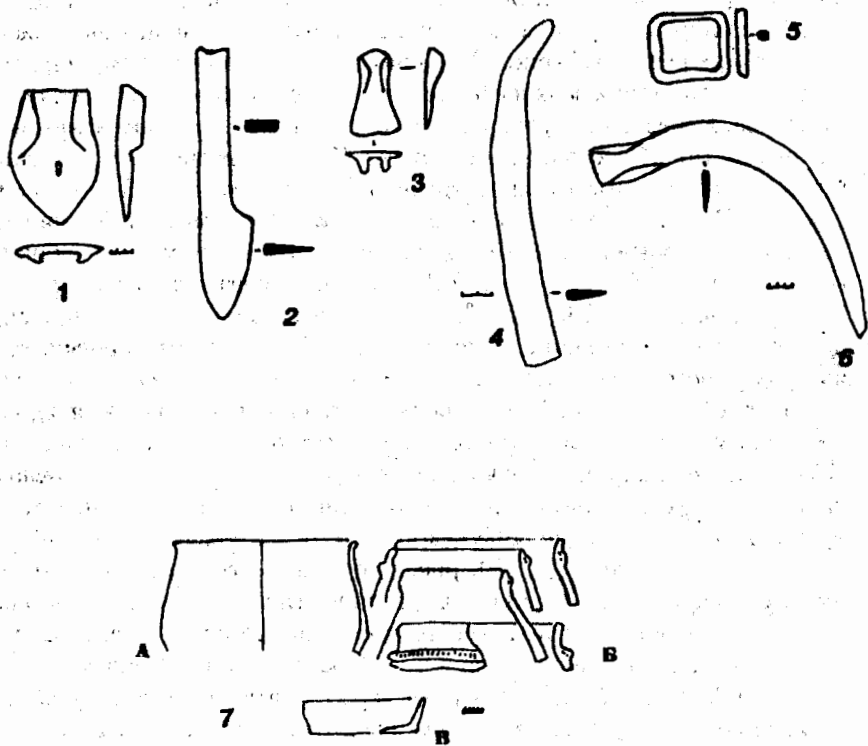
Земледелие жителей пеньковских селищ являлось пашенным. На это влияли: отсутствие больших лесных массивов, наличие свободных от деревьев краев надпойменных террас и черноземные массивы плато высоких (правых) берегов рек, существование традиций пашенного земледелия в регионе с конца III — начала II тыс. до н. э. [6,

с. 15; 7, с. 192-207; 8, с. 83-86]. Оно развивалось путем освоения новых площадей. После двух-трех лет использования участка под зерновые культуры земля отдыхала от двух до семи лет или же в это время использовалась как пастбище [9, с. 38-39]. Расположение некоторых поселений на возвышениях в пойме дает возможность предположить наличие и другой (вспомогательной) системы земледелия — «пойменной». Она заключалась в обработке участков поймы, которыми могли пользоваться неограниченное время [10, с. 6]. Как признают исследователи, в степной и лесостепной полосах перелоговая система вызвала необходимость освоения новых участков путем вспашки целины и постепенно заменялась перелогом с использованием однолетнего пара [11, с. 22-23]. Признаком пашенного земледелия является наличие частей плугов (в широком значении этого термина) и серпов [12, с. 4-5]. Они были найдены на пеньковских селищах.

Наральник с узким лезвием и несомкнутой втулкой обнаружен в Тимченках [13, с. 34] (рис. 1). Он имеет общую длину 17 см, ширину рабочей части 11 см и верхней части втулки 9 см. Рабочая часть лопасти заострена. Переход от втулки к лопасти выполнен в виде едва заметных плечиков. Подобные пахотные орудия Ю. А. Красновым отнесены к типу 1Б1. Они были распространены на территории от Польши до Средней Волги и Камы [14, с. 32, рис. 8:1,2, с. 39]. Аналогичные наральники найдены на одном из поселений Велкского уезда Трещинского повета в Польше [15, гус. 17:2] и в кладе железных изделий возле Новой Гуты [16, с. 58, гус. 4:1]. Датируются они в очень широких рамках от первых столетий I тыс. до XIII—XIV вв. Чересло происходит из культурного слоя поселения Занки [17, с. 23] (рис. 2). Оно представляет собой массивный нож с острым лезвием для разрезания дерна и массивным прямоугольным в сечении черенком. Длина черенка 10 см, лезвия 7,5 см, ширина черенка 2 см, лезвия 3,2 см. Острие и черенок находятся на одной линии, что сближает данный экземпляр с череслом из «клада» в с. Коровинцы Сумской области, который отнесен к черняховской культуре [18, с. 10, рис. 5, 6]. Но чересло из Коровинцев имеет большую длину — 53 см. Судя по части чересла из хозяйственного сооружения 16 черняховского поселения Рипнев II, его лезвие находилось по отношению к линии черенка под определенным углом [19, с. 108, 203, табл. 28:1]. Среди чересел салтовской культуры из Маяков угол между линиями лезвия и черенка составлял 15-22 градуса [20, с. 132, рис. 23:4-6].

Что представляли собой орудия с такими металлическими частями? Самым древним из восточнославянских земледельческих ору-

дий было рало с одним сошником [9, с. 38-39]. Наиболее приемлемо из так называемых «этнографических» рал однорукоятное прямогрядильное рало типа 1 по Ю. А. Краснову со стойкой между грядилем и ральником. Его использовало население на юге Восточной Европы. Рало этого типа наиболее удобно для вспашки различных почв, в том числе целинных [14, с. 73, 77]. По функциональным возможностям пахотные орудия с рабочей частью под углом к поверхности почвы, череслом, стойкой, полозом и ярмом на прямом грядиле приближаются к плугу. Об использовании чересел совместно с узколезвийными наральниками свидетельствуют их совместные находки на черняховских памятниках (Рипнев II, Коровинцы). Таким образом, вполне правомерно говорить о наличии плуга у носителей черняховской и пеньковской культур.

К орудиям обработки почв принадлежали также тесла-мотыжки. Один экземпляр подобного изделия происходит из поселения Богатое на Орели [21, с. 7] (рис. 3). Мотыжка имеет длину 10 см, незамкнутую втулку шириной 4 см, расширенную рабочую часть шириной 6 см. Такие мотыжки известны на Битицком [22, с. 27, рис. 6], Новотроицком [23, с. 19, рис. 7:7, с. 20, рис. 8:3] городищах и других славянских памятниках региона второй половины I тыс. Тесло-мотыжка из Богатого относится к 1 типу подобных орудий на территории Тувы и Минусинской котловины, которые существовали в VI–VII вв. [24, с. 169-170]. С. А. Плетнева высказала мысль, что подобные мотыги попали к славянам Юго-Восточной Европы от носителей салтовской культуры [25, с. 93]. Мотыжками обрабатывались небольшие участки под овощные и даже зерновые культуры на мягких почвах у краев надпойменной террасы, а также на возвышенностях в пойме. Они использовались для очистки рал от налипшей земли, травы и дополнительной обработки земли после вспашки [20, с. 35]. При бороновании, во время окончательной подготовки поля под посев, использовали, вероятнее всего, простейшую из борон — вершалину. Она представляла собой верхушку сосны или ели, которую тащили для разбивки комьев земли и сметания зерен в борозду [9, с. 51,52].

Определение видового состава используемых зерновых культур пеньковского населения усложняется отсутствием находок зерен культивируемых растений. Поэтому мы исходим только из отпечатков зерен растений на днищах сосудов. В жилище 5 поселения Хитцы на днище одного из горшков сохранились отпечатки зерен проса [26, с. 120, рис. 43]. Отпечатки зерен проса, использовавшиеся в качестве подсыпки деревянной подставки при производстве сосудов, зафиксированы на некоторых их днищах из Сухой Гомольши, Нижнего Бишкина I, Зубовки, Тимченков. Просо являлось наиболее распространенной культурой у земледельцев лесостепи Восточной Европы еще со времен бронзового века. Кроме того, на днищах горшков из Сухой Гомольши, Раковки зафиксированы отпечатки ячменя и ржи. Но ограничивался ли только этими культурами ассортимент пеньковских земледельцев? На керамике из поселений Прутско-Днестровского междуречья (Молочарня, Ханска II, Селиште) Г. А. Пашкевич и Э. В. Янушевич зафиксировали отпечатки зерен четырех видов пшеницы (карликовой, карликовой мягкой, мягкой, двузернянки), овса и конопли. Определено, что использовались два вида ячменя: пленчатый и голозерный [27, с. 22]. В Днепро-Донецком регионе с конца II тыс. до н. э. существовал

относительно стабильный палеоботанический комплекс, который слагался из таких культур, как просо, рожь, пшеница нескольких видов, ячмень, горох, конопля [28; 29, с. 11-23; 30, с. 61-62; 31, с. 89].

Урожай убирался с помощью серпов и кос. Втульчатый серп длиной 33 см и шириной лезвия в средней части 5 см происходит из поселения на Восточном Бельском городище [32, рис. 3:1] (рис. 6). Его рукоять имеет несомкнутую втулку и отверстия для крепления деревянной рукоятки. Три экземпляра подобных втульчатых серпов происходят из Летов возле Добриховиц в Чехии, один серп найден в Клестове на Одере [33, с. 102]. Их использовали и енисейские киргизы, серпы известны в их области на поселениях Черемушки и Калы [34, с. 321, табл. 53:7, с. 322]. На серпах из Чаплинского городища и селища Лютеж кроме втулки на конце пятки имеется еще и согнутый крючок [35, с. 141, рис. 13:8; 29, с. 37, рис. 20]. Подобные очень сильно изогнутые серпы с утолщенным или расколованным концом были предназначены исключительно для сбора хлебных злаков [33, с. 116-117]. Они являются одиночными находками на славянских землях. Серпы из Прутско-Днепровского региона пеньковской культуры (селища Кочубеевка, Стецовка, Семенки, Ханска II) являются исключительно колодковыми [27, с. 23].

Железная коса-горбуша, имеющая согнутую пятку, происходит из Занок [17, с. 23] (рис. 4). Фрагменты подобных кос найдены в Занках и Феськах III [36, с. 6]. Косы крепились к держакам с помощью колец и окутий, экземпляры которых найдены на поселениях Богатое и Нижний Бишкин I [21, с. 10; 37, с. 8] (рис. 5).

Муку получали с помощью ручных мельниц. Часть нижнего камня такой мельницы («низ», или «постав») найдена в яме 7 поселения Нижний Бишкин I. Муку и зерно на поселениях сохраняли в специально сделанных для этой цели ямах возле жилищ. Если зерно было влажным, то накануне загрузки в яму его подсушивали. Для этого использовали массивные глиняные жаровни, в нашей классификации керамики они рассматриваются как миски и относятся к варианту А вида 3 этого типа керамики [38, табл. XXV] (рис. 7, В). Они имеют диаметр до 40-50 см и высоту бортика до 7 см. Муку засыпали в большие горшки-корчаги (часто применяется термин «зерновики»), к ним отнесены горшки типов I (вид 2, вариант Б), V (по нашей классификации) [38, табл. XXIV] (рис. 7, А, Б). Эти сосуды сохранялись в ямах, других хозяйственных сооружениях или жилищах. Кроме такой лепной посуды, зерно и мука сохранялись

в импортной таре — амфорах. Разлом подобной амфоры вместе с остатками ручной мельницы найден в яме 7 поселения Нижний Бишкин I [37, с. 8]. Аналогичные амфоры обнаружены в Херсонесе и Тамани [39, с. 10, рис. 2:6, с. 13].

Итак, основой хозяйственного комплекса носителей пеньковской культуры было пашенное земледелие с его постоянным спутником — околоселищным скотоводством. Исходя из определения хозяйства и культуры, которые складываются исторически у разных народов на близких ступенях социально-экономического развития в схожих географических условиях [40, с. 177], антов можно уверенно отнести к ХКТ пашенных земледельцев лесной и лесостепной полос. Этот вывод имеет большое значение в диспуте с исследователями [41; 42], видящими или желающими видеть в жителях пеньковских поселений кочевников — либо болгар-утигуров или оногуров.

Литература

1. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — Киев, 1990.
2. Берг Л. С. Природа СССР. — М., 1955.
3. Докучаев В. В. Способы образования речных долин европейской России // Избр. соч. — М., 1949. — Т. 2.
4. Артюшенко А. Т. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. — Киев, 1970.
5. Маринич О. М., Ланько А. Г., Щербань П. Г. Фізична географія Української РСР. — Київ, 1982.
6. Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Киев, 1981.
7. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.
8. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Киев, 1987.
9. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. — М., 1991.
10. Краснов Ю. А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // Сов. археология. — 1967. — № 1.
11. Левашева В. П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв: Труды Гос. ист. музея. — М., 1956. — Вып. 32.
12. Краснов Ю. А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // Сов. археология. — 1968. — № 2.
13. Беляев С. И., Любичев М. В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы // Археология славянского юго-востока. — Воронеж, 1991.
14. Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. — М., 1987.

15. Yodlowski K. Zrodla archeologiczne do dziejow rolnictwa w Polce i stan ich opracowania // Studia z dziejow gospodarstwa wiejskiego. — Warszawa, 1960. — Т. 3.
16. Hensel W. Polska pzed tysiacem lat. — Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1964.
17. Дьяченко А. Г. О культуре населения днепро-донецкой лесостепи в I тыс. н. э. // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. — Воронеж, 1993.
18. Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. Днепровского лесостепного Левобережья // Сов. археология. — 1950. — Т. 13.
19. Баран В. Д. Черняхівська культура. — Київ, 1981.
20. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985.
21. Юренко С. П. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1973 г. — Полтава, 1973. (Научн. архив Ин-та археологии НАН Украины).
22. Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. — Київ, 1992.
23. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1958. — № 74.
24. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981.
25. Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // Сов. археология. — 1962. — № 1.
26. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Л., 1981.
27. Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы V–VII вв. (пеньковская культура): Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Киев, 1985.
28. Шрамко Б. А., Янушевич В. В. Культурные растения Скифии // Сов. археология. — 1985. — № 2.
29. Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. — Київ, 1974.
30. Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья в III–V вв. — Киев, 1984.
31. Сухобоков О. В. Славяне днепровского левобережья. — Киев, 1975.
32. Шрамко Б. А. Ранньосередньовічне поселення в Більську // Археологія. — 1980. — № 35.
33. Veranova M. Slovanske znove nastroje v VI–XII století // Památky archeologicke. — 1957. — № 1.
34. Кисилев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1949. — № 9.
35. Третьяков П. Н. Чаплинское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1959. — № 70.

36. Буйнов Ю. В. Отчет о научно-исследовательской работе исследования археологических памятников в зоне строительства Рогозянской оросительной системы: Тема № 68-84. — Харьков, 1985. (Архив Археологического музея ХГУ).
37. Любичев М. В., Михеев В. К. Отчет об исследовании поселения Нижний Бишкин I в 1992 г. — Харьков, 1993. (Архив Археологического музея ХГУ).
38. Любичев М. В. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя: Дис... канд. іст. наук. — Харків, 1994.
39. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979.
40. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. — М., 1985.
41. Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Сов. археология. — 1990. — № 3.
42. Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. — Київ, 1994.

В. В. Скирда

ПРОФЕССОР Е. К. РЕДИН КАК АРХЕОЛОГ

В настоящее время имя профессора Харьковского университета Егора Кузьмича Редина (1863–1908) известно в основном лишь специалистам, которые работают в области истории искусства [1, с. 8, 15, 81 и др.; 2, с. 202, 206 и др.; 3, с. 30,31]. И в этом нет ничего удивительного. Уже в начале своей деятельности молодой ученый был оценен как «...выдающаяся научная сила и сопричислен к выдающимся специалистам западной науки по изучению византийского искусства и его отражений в Италии» [4, с. 8; 5, с. 270; 6, с. 150-174]. Со временем он вошел в число ведущих европейских специалистов по истории искусства. Однако мы не будем касаться этой стороны его биографии, поскольку не она является темой нашего исследования, да и к тому же довольно полно освещена в литературе, а рассмотрим деятельность Е. К. Редина в области археологии, которая до сих пор еще не служила предметом специального анализа.

Е. К. Редин родился в 1863 г. в с. Старшем Дмитриевского уезда Курской губернии. Среднее образование получил во 2-й Тифлисской гимназии, а в 1884 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. В 1888 г. Е. К. Редин окончил уни-